

Из Научно-библиографического архива РКП

УДК 016(470+571):94

**Библиография и история
(вчера и сегодня)**

Многие проблемы современной российской библиографии «перекликаются» с далёким прошлым. Не исключением является историческая библиография, о чём свидетельствуют публикуемые в этом номере журнала «Библиография и книговедение» статья сотрудников Российской национальной библиотеки И. Н. Вибе и Д. Н. Шилова и статья, к сожалению, так и не идентифицированного (ни в интернете, ни в печатных источниках), но безусловно весьма квалифицированного историка и журналиста М. Лебедева, напечатанная ещё в 1903 г. в нескольких номерах журнала «Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф». И 120 лет назад и сегодня вполне обоснованно звучит мысль М. Лебедева, что «у нас большинство понимает библиографию лишь как простую регистрацию наличной литературы, древней и новой». В отсутствие ещё не появившихся «Книжной летописи», других государственных библиографических указателей их функции попытались выполнять библиографические журналы. Но, как указывал М. Лебедев, эти «библиографические издания стра-

дают крайней неполнотой и ограничиваются только *перечнем* вновь вышедших книг и статей (к тому же, помещенных в главных журналах). Если же встречается обозрение *содержания* книги, то весьма редко, и ещё реже выпадает это на долю русской истории».

Всё сказанное вполне актуально и для нынешней ситуации, несмотря на наличие закона об обязательном экземпляре изданий, государственных библиографических указателей (печатных и электронных), Национальной электронной библиотеки, а также повсеместное использование компьютеров для библиографического учёта.

М. Лебедев призывает шире использовать рецензии в библиографических изданиях, указывая однако, что «библиографические отзывы тогда только имеют цену, если сделаны не дилетантами, а специалистами по каждой отрасли науки и, притом, без всякой тенденциозности...».

Об этом и сегодня можно только мечтать, когда информация повсеместно перемежается с дезинформацией, а профессионализм с дилетантством — и особенно часто именно в сфере истории.

М. Лебедев**Современное состояние
русской исторической библиографии**

Возникновение библиографии обусловливается естественной потребностью — привести в известность существующую литературу. Последняя рискует остаться без читателей или иметь весьма ограниченный круг распространения по самой простой причине — вслед-

ствие неизвестности. Отсюда ясно и значение библиографии. Она играет роль необходимого путеводителя для начинающего и вообще самостоятельно изучающего ту или иную область науки. Подобному человеку угрожает та же опасность, какой подвергается незнакомый

с лесом, забредши в чащу его: он рискует затеряться в массе систем, монографий, статей. Недостаточное знакомство или односторонняя начитанность естественно поведут к поверхностным и односторонним взглядам. Особенно часто шлются упреки в этом рецензентами по адресу историков. Объективность, видеть которую столь желательно у ученых этого разряда, именно у них-то, кажется, чаще всего и отсутствует. Правда, часто и авторы уличают своих рецензентов в малом знакомстве с литературой вопроса и односторонности¹, но это еще более говорит в пользу законности существования руководства, которое отличало бы пройденные наукой стадии. Эту задачу и берет на себя историческая библиография, уже признанная одним из необходимых пособий при изучении истории².

Заблудиться в массе исторического материала очень легко: характер и направление трудов в этой области почти всегда (разумеется, не у компиляторов) определяются не историческими источниками; «сознательно или бессознательно, специальная работа всегда направлялась какой-нибудь теорией»³, от которой зависело и освещение источников. Этим отвергается не известный угол зрения для историка-специалиста⁴, но только предвзятость, ведущая к ложному освещению, так как «пренебрежение к теории... большею частью сводилось к тому, что специалист становился невольным

орудием отжившей теории, — конечно, к большому ущербу для значения его ученой работы». Но это предполагает в историке широкое знакомство с своим предметом и судьбой его, для чего опять необходима библиография. Это особенно важно при современном состоянии исторической науки, когда ее задачей становится уже не художественное описание достопамятных событий, а выяснение законов исторической жизни и развития народа, причинной связи явлений, эволюции общества вообще⁵. Какая широта взглядов и глубина познаний требуется от историка, чтобы избежать при подобной работе ошибок своих предшественников; дилетант здесь скоро обнаружится... Слепое подражание уже отжившей теории или крайний субъективизм и односторонность направления — это Сцилла и Харибда для со-

¹ Характерна в этом отношении брошюра г. Филевича — «В ответ критикам» его «Истории древней Руси», т. I. Варшава, 1896 г.

² Напр., Иконников. «Опыт русск. историографии», стр. 93; Бест.-Рюм. Ж. м. нар. просв. 1892 г., сент., 179 стр.

³ Милуков. «Главн. теч. русск. историч. мысли», стр. 1.

⁴ Неудобство отсутствия этого «угла зрения» г. Коялович (в «Истор. русск. самосозн.» гл. XX) видит даже в «Истории России» Бест.-Рюмина. Но, хорошо рассуждая о субъективизме для историка (ibid., напр., стр. VI–IX, 478–9 и др.), Коялович сам оказался весьма плохим субъективистом, узким славянофилом...

⁵ Петрушевский. «Тенденции соврем. историч. науки». Образ. 1899 г. № 5–6.

временного историка. Задача библиографии — по возможности предупредить это. Характер ее, необходимый для осуществления этой цели, легко определяется априори. При такой задаче для нее слишком недостаточно быть сухим перечнем книг и статей; в таком виде она ничего не скажет уму обращающегося к ней. Необходимо, чтобы точное, сжатое изложение содержания каждого труда, с указанием направления, было столь же существенной принадлежностью библиографии, как и фотографическая опись выходного листа; первое должно даже преимуществовать, как имеющее гораздо более значения для читателя⁶. Только в таком виде библиография может принести ожидаемую от нее пользу. Вообще, нужно помнить, что библиография предназначена для читателя, для интересующихся содержанием книги, а не для библиотекаря, которому приходится иметь дело главным образом с внешностью книг и лишь отчасти с предметом их — для составления систематического каталога, а не научных изысканий⁷.

Чем же располагает в этом отношении русский читатель, приступая к изучению прошедших судеб своей родины?

В то время, как за границей библиография уже давно стала на твердую почву, и даже от каталогов для читален требуется (напр., в Германии) обзор содержания книг, а не перечень только

заглавий, у нас дело обстоит далеко не так. Конечно, причина в более раннем развитии заграничной литературы и интереса к ней; но тем не менее это завидно и достойно подражания... Между тем у нас большинство понимает библиографию лишь как простую регистрацию наличной литературы, древней и новой. Но изданию подобного рода более прилично название указателя. Таким именно характером обладают наши «Русские исторические библиографии» бр. Ламбиных, Межова и другие труды в этой области. Если проследить по библиографическим журналам, что пишется в них о «задачах библиографии», то, к сожалению, окажется, что речь почти исключительно идет о полноте указателя, о подробном, «фотографическом» копировании выходного листа, о линейках и снарядах, приспособленных к измерению разных *in folio*, *in octavo* и т. п.⁸. Только в начале второй половины истекшего столетия встречаются более широкие взгляды⁹.

Такое состояние библиографии можно, кажется, назвать ее младенчеством. В этом периоде ее задача состояла в том, чтобы привести в известность существующую литературу. Выполнение этой задачи со стороны библиографической литературы было довольно успешно. Историческая русская литература на пространстве 1800–1876 гг. делается в значительной ее части известной интересующимся ею благодаря трудам гг. Межова, бр. Ламбиных и др. менее известных личностей, трудившихся на этом поприще¹⁰. Пальма первенства без сомнения принадлежит Межову. Количество обзрренной литературы к 1882 г. некто г. S.

⁶ Сама по себе библиография служит еще материалом для истории литературы и цивилизации.

⁷ Что скажет, в самом деле, пробегающему какой-либо библиогр. журн. показание, что «вышла в свет» «История древней Руси» Филевича, т. I? Мало ли их, историй-то?! Но наверно другое впечатление получится, если добавить (примерно), что автор, воскрешая идеи Надеждина, делает попытку этнографически-филологического обоснования теории изначально-славянской Руси, пользуясь новейшими исследованиями в этой области, и с этой точки зрения освещает начальные страницы летописи, пользуясь при этом «обратным» методом. Это уже не мертвое констатирование факта выхода книги, и читатель наверно заинтересуется, если следит за историей родины.

⁸ Напр. ст. Витберга «Нужды и задачи нашей библиографии» (Библиогр. зап. 1892 г. № 9–10), С. Соболевского «Новые явления в русской библиографии» (Русск. арх. 1869 г. столб. 921–935).

⁹ Библиогр. записки. 1858 г. Столбцы 382–4 и 416–418.

¹⁰ Как здесь, так и далее имеется в виду «современное» состояние библиографии, т. е. во второй половине XIX в.

возводит до 600.000 №№, из которых, по его счету, 5/6 указаны Межовым в разных его библиографиях и указателях¹¹. В составленных им томах «Росс. ист. библ.» поименованы книги и статьи 1800–1876 гг., причем указано весьма много критических отзывов по поводу тех или других из них¹². Бр. Ламбиным принадлежит обзор литературы 1855–1864 гг. (в 10 т.). Таким образом, труды Межова и Ламбиных взаимно дополняют друг друга, почему нельзя не пожалеть, что составлены они по различной системе. История у обоих понимается в самом широком смысле; только «Литература русской истории» 1855–64 гг. Межова составлена по несколько суженной программе.

Помимо этих, уже систематизированных указателей, появляется целая серия «Указателей статей» в разных периодических изданиях, равно как и отдельно вышедших книг, в разных магазинах продающихся (напр., книжные росписи магазина Исакова, Глазунова, составлявшиеся тем же Межовым), описей археологических комиссий, трудов, библиотек и т. п.¹³. Но издания этого рода, без сомнения, только материал для будущих библиографов; они еще ждут своих Ламбиных, Межовых, которые не убоились бы привести в порядок этот хаос.

К сожалению, библиографические труды по русской истории остановились на 1876 г.¹⁴. Между тем, с тех пор собственно и начинаются снова усиленные исследования в области родной старины. Открытие новых библиотек, издание до толе неизвестных памятников и актов,

новые точки зрения пробуждают деятельность исторической мысли, результатом чего является масса монографий по самым разнообразным вопросам отечизноведения. Вследствие недостаточности исторических сил и весьма значительного расширения исторического кругозора частичная критическая оценка поглощает все внимание, а свод материала, полученного этим путем, в одну систему запаздывает. «Поэтому, кто желает изучать русскую историю, тому нельзя ограничиваться немногими книгами, а нужно читать много книг, и не только системы, но и исследования по отдельным вопросам и даже самые первые источники»¹⁵. А между тем, где почерпнуть сведения о том, что существует по известному вопросу?! Такое положение дела весьма сильно дает чувствовать потребность в библиографии. Что же идет навстречу запросам общества?

Других Межова и Ламбиных нет... Вместо них выступают гг. Чернин, Лисовский, Гартъе и др. в роли издателей специально библиографических журналов.

Но их библиографические издания страдают крайней неполнотой и ограничиваются только перечнем вновь вышедших книг и статей (к тому же, помещенных в главных журналах). Если и встречается обозрение содержания книг, то весьма редко, и еще реже выпадает это на долю русской истории.

Такие же библиографические крупницы падают обществу и из текущей журналистики вообще, стремящейся популяризовать книги. Но в ее библиографических отделах «больше всего оказывается случайности и неопределенности, да и помещенные рецензии многоречивы и не довольно содержательны», тогда как естественно «в них желательно видеть не столько голословные похвалы, сколько указания на содержание разбираемых

¹¹ Истор. вестн. 1882 г., апр. 667 стр.

¹² Обстоятельство, которое, «пожалуй, является единственным во всех литературах» — отзыв Зап. Импер. Акад. наук (28 т., 230 стр.).

¹³ Все это вероятно сполна перечислено в Энцикл. слов. Брокгауза и Эфрона (сл. «Библиография» — полумом 6) и в «Опыте русск. историографии» проф. Иконникова, стр. 359 и т. д.

¹⁴ В 1880 г. Межов издал еще «Систем. катал. книг за 1877–1878 гг.» (продающихся в магазине Исакова) с указанием всевозможных отзывов.

¹⁵ Коялович — «Истор. русск. самос.», стр. 1. Эти слова, сказанные еще в 1884 г., еще большее значение имеют по отношению к нашему времени.

сочинений»¹⁶. Весьма часто проглядывает и тенденциозность рецензентов и редакций. Все это относится к большинству рецензий. Между тем, библиографические отзывы тогда только имеют цену, если сделаны не дилетантами, а специалистами по каждой отрасли науки и, притом, без всякой тенденциозности, которая уже никак не входит в задачу библиографа. Образцом могут служить краткие, но меткие рецензии проф. Иконникова, «с интересом библиографа следившего за текущей литературой» и делившегося своими сведениями с обществом через посредство журналистики¹⁷. В последнее время более или менее соответствует своему назначению библиография «Журнала для всех» и «Известий» Вольфа, но нельзя того же сказать о библиографии «Образования», явно тенденциозной; «Историч. вестник» помещает уже целые рецензии.

Как бы то ни было, неудобства подобной, журнальной, библиографии весьма очевидны: познакомиться со всеми отзывами — невозможно, ошибиться, благодаря их субъективизму, а иногда и «вдохновенному творчеству»¹⁸ легко. Громадную пользу получили бы интересующиеся литературой русской истории, если бы соответствующие отзывы помещались в одном специальном органе. Но этому долгое время не суждено было осуществиться, а библиографические журналы отличаются крайней скоротечностью... В чем же тормоз?

Указывают на общество, обвиняя его в равнодушии. Но, кажется, дело несколько сложнее. Общество равнодушно? А почему? Неразвито? Этого нельзя сказать, так как речь-то ведь идет отно-

сительно общества более или менее интеллигентного, способного интересоваться исторической литературой. Между тем, «История русского самосознания»¹⁹ знает, что было время, когда эта способность обнаруживалась довольно ярко. В середине истекшего столетия «в Московском университете и в московском обществе более и более развивалось и обнаруживалось весьма глубокое, систематическое разделение русских людей на славянофилов и западников», и каждое из этих направлений имело целую серию представителей в области истории, лекции и произведения которых слушались и читались с горячим интересом. То было время, когда Чаадаев, Киреевский, Каченовский, Погодин, Полевой, Соловьев, Кавелин воплощали в истории идеи сначала Шеллинга, затем Гегеля. Стройная система, получавшаяся в результате, вполне отвечала духу времени, запросам общества, жадно всасывавшего те же идеи. Это именно и было причиной напряженного интереса русского общества к судьбам своего отечества...

В параллель с этим, кажется, можно (если не слишком рискованно) поставить и подъем русско-исторической библиографии. С этим временем и непосредственно следующим за ним совпадает появление библиографических журналов²⁰; тогда же выдвигается и несколько, получивших впоследствии известность, личностей, трудившихся на библиографическом поприще²¹. Они составляли из себя как бы кружок, порожденный только что указанным подь-

¹⁹ Цит. труд проф. Кояловича.

²⁰ Из числа их «Библиогр. записки» (изд. в 1858, 1859, 1861 г.г.) едва ли не лучшие из существовавших доселе.

²¹ Из них Межов трудился еще в 1890-х гг.; но пробуждение его интереса к библиографии относится к гораздо раннему времени. Еще в 1881 г. он, как много испытывший на избранном пути, дает «Практические советы начинающим заниматься библиографией» — ст. в «Российск. биб-

¹⁶ «Журн. Мин. нар. просв.». 239 ч., 349 стр.

¹⁷ Очень много помещено в «Киев. универс. изв.ст.» (на особом библиограф. листке), «Русск. стар.» (обычно на обложках, кроме более или менее обширных отзывов, напр., о Кояловиче — в тексте) и др.

¹⁸ См., напр., «Спб. вед.» 1902 г., № 226, ст. «Об упадке рецензий».

емом нашей исторической науки, и последователей, можно сказать, не имели...

А наука истории? Когда увлечение гегельянством стало проходить, открылся поход и против создавшейся под его влиянием исторической системы. Разрушить ее было не трудно, так как ее представители, «навсегда покончив с периодом патриотизма и с этической точкой зрения в нашей науке, приучив к идее закономерности и взаимной связи явлений, наконец, дав первое динамическое представление о нашей истории, сколько-нибудь гармонизировавшее с этой идеей закономерности», не могли, однако, при всем том «заменить действительное изучение нашей истории» изучением одних форм, за которыми у них не было видно «духа», как справедливо выражались славянофилы²². Став мишенью вражьих выстрелов, эта система трескалась, рушилась. Но новые взгляды и направления, предъявляющие права на наследство юридической школы, еще не создали определенной системы, занимаясь пока подготовительной работой — частичными исследованиями. Еще К. Аксаков писал, что у нас нет «истории», а только «пора исторических исследований, не более». Теперь, его же словами, выражает свой взгляд на современное состояние русской исторической науки проф. С. Ф. Платонов, констатируя этим факт отсутствия господствующей в историографии доктрины²³.

Разрушение старой системы и отсутствие новой, разные течения в новом направлении служат причиной того печального явления, что «наш ученый, а тем более популярно-исторический обиход составляется из целого ряда раз-

новременных наслоений, историю и происхождение которых мы не всегда помним, но которые одинаково употребляем в дело при собственных построениях»²⁴. Но понятно, что со смертью теорий, обусловливавших создание соответствующих исторических систем, перестают интересовать общество и эти последние, а тем более отрывки из них, на белую нитку сшитые. И вот общество охлаждает к истории²⁵... Историков-систематиков сменяют историки-специалисты, занимающиеся отдельными вопросами. Словно в ответ на это появляется ряд специальных исторических библиографий, касающихся то отдельных вопросов истории, то истории отдельных областей государства²⁶...

На смену идеализма выступают материализм, эволюция. Новые историки проникаются новым направлением. И вот появляется ряд попыток осветить с новых точек зрения те или иные моменты и явления родного прошлого. Предпринятые работы довольно успешны, почему есть надежда, что «до попыток исторического синтеза, может быть, и недалеко»²⁷.

Социально-эволюционный характер, какой принимает новое направление в исторической науке²⁸, как нельзя более совпадает с воззрениями общества, и интерес последнего к истории весьма чувствительно пробуждается.

Красноречивым подтверждением этого является, между прочим, возникнове-

лиографе» Гартге, 1881 г., № 99.

²² «Юридич. школа в русской историографии» — ст. Милюкова (Русская мысль, 1886 г., июнь, стр. 91, 92).

²³ «Лекции по русской истории». В. I. Стр. 21. Отсюда же взяты и приведенные слова К. Аксакова.

²⁴ Милюков. «Главнейш. течения русск. исторической мысли». Стр. 2.

²⁵ Место ее всецело заняли естественные науки.

²⁶ Приблизительно в это время появляются библиографии Сибири (Межова), Польши, Южной Руси, киргизов, обзоры литературы об Арсени Мацневиче, о земских соборах в древней Руси, о монастырях и т. д. Специализация нашей библиографии констатирована и на страницах библиографических журналов («Библ. зап.» 1892 г., № 3), как второй период ее существования («Библиограф», 1885, № 4).

²⁷ Платонов, цит. тр., в. I, стр. 22.

²⁸ Цит. ст. проф. Петрушевского.

ние Исторического общества при Спб. университете.

Параллельно с этим высказывается и сознание необходимости исторической библиографии. В одно из заседаний поименованного общества представитель его (Н.И. Кареев) высказал, что «одною из полезнейших книг могла бы быть общая историческая библиография, в которой читатель мог бы найти указания на литературу наиболее важных и крупных отделов истории, с краткими характеристиками выдающихся сочинений по каждому отделу, с небольшими историческими обзорами тех или других главных вопросов, с итогами, подведенными под более или менее прочно установленные результаты, с перечислением самых существенных, пока еще спорных вопросов»²⁹. Сознание той же нужды высказала и Императорская Академия наук, почему она и приняла предложение академика Куника — издать историческую библиографию, по примеру прежде издававшихся «Русских исторических библиографий»³⁰.

Но, к сожалению, благие начинания доселе не осуществлены... Комиссия, составившаяся для выполнения предложения г. Кареева, «возбудив немало основательных ожиданий среди читающей публики и молодежи, интересующейся исторической наукой и мало имеющей возможности сразу основательно войти в запутанные дебри растущей не по дням, а по часам исторической литературы»³¹, ограничивалась только одними заседаниями. А когда на XXVI-м собрании (13.XI.1891) С.Ф. Ольденбург сделал запрос, «в каком положении находится дело составления систематического

указателя исторической литературы», то получил от председателя общества красноречивый ответ, что дело остановилось (между прочим) вследствие того, что «многие из сотрудников еще не прислали обещанных списков книг, подлежащих разбору» и что «отдел по русской истории остается неорганизованным»³². Ввиду этого широкие начинания уступили место более скромному «Обзору (текущей) литературы по русской истории», чем занялся г. Браудо. Обзор ведется хотя и по весьма хорошей системе, отвечающей почти вполне уже высказанным требованиям от библиографии, но не обладает должной полнотой (указывается наиболее существенное) и, что главное, не появляется своевременно. Отпечатан «Обзор литературы по русской истории» за 1888–1889 г. («Сборн. Ист. общ.», т. 2), 1890 г. (3 т.), 1891 г. (уже в 8-м т., т. е. в 1895 г.!)... Не появляется в свет и обещанный Академией Наук «Ежегодник»... ничего, кажется, не вышло и из-под рук Московского библиографического кружка, поставившего «ближайшей своей задачей» составить «хороший и полный систематический каталог». Но пока печатались только протоколы; «задача» же так и осталась в долгу за кружком³³.

Такое печальное состояние русской исторической библиографии служит тормозом дальнейшему ходу исторической науки³⁴, что весьма ясно сознает-

³² «Сборн. Ист. общ.», т. IV, протоколы, стр. 1.

³³ Кружок высоко ценил значение библиографии — «Книжн. вестн.» 1890 г., столб. 433. — Много пользы принесли бы делу библиографии авторские авторефераты (конечно, при условии добросовестности, вопрос о которых поднят был на Парижском конгрессе библиографов (летом 1900 г.), и осуществившиеся в Германии («Изв. кн. маг. Вольфа», 1900 г., октябрь, 15 стр.).

³⁴ «Кто перебирал наши русские библиографические издания для строго научной цели, тот знает, как сделанное еще далеко от того, что нужно бы было сделать» (Коялович, цит. соч. IV–V стр.). Это еще в 1884 году!

²⁹ «Библиогр. зап.» 1892 г., № 8.

³⁰ «Зап. Имп. Акад. наук», 1892 г. «Отчет по истор.-филолог. отд.», стр. 53–54. Было постановлено издавать «Русск. истор.-библиогр. ежегодник», рецензирование которого поручено академиком Н. Ф. Дубровину и Л. М. Майкову.

³¹ «Библ. зап.» 1892 г., № 8.

ся занимающимися русской историей³⁵. Естественно поэтому, какое отрадное впечатление произвел выход в свет «Опыт русской историографии» проф. Иконникова.

Несмотря на то, что доселе существует только первый том этого труда, менее интересный по содержанию, чем какое обещано автором для второго тома, несмотря на затруднительное пользование сведениями, вследствие отсутствия предметного указателя, несмотря на то, что труд этот не специально библиографический, «Опыт» имеет большое значение и именно как труд библиографический. Один рецензент «глубоко убежден, что книга проф. Иконникова, особенно когда дождемся второго тома, намного подвинет вперед изучение русской истории и утверждение правильного взгляда на ее ход»³⁶. Но со времени появления первого тома прошло уже 10 лет, а второй еще не печатается. Вышедший же том «Опыта» может заменить только часть исторической русской библиографии, именно отдел палеографический. Автор описывает деятельность разных комиссий и отдельных личностей по собиранию и обнародованию нашей страны, затем — происхождение и дальнейшую судьбу книгохранилищ и библиотек (почти исключительно) со стороны их словесных древностей, указывает общее значение их содержания, год и место выхода в свет рукописей и актов, их описи и даже кто из историков и в каких сочинениях пользовался этим сырым материалом. Из этого видно, что труд проф. Иконни-

кова не может удовлетворить уже высказанным требованиям от библиографии. Это — справочное издание (конечно, за исключением I–III гл. и некоторых других, не библиографических мест), пользоваться которым имеют возможность только уже специалисты; общего же руководящего значения «Опыт» иметь не может. Это — не библиография, а, если можно так выразиться, карта российских государственных, общественных и фамильных древностей, и только. Ввиду этого, действительно, «Опыт» не делает лишним появление других трудов, как говорит в предисловии к нему сам автор.

Чем же еще, кроме этого архивоведения, можно располагать желающему заняться историей? К сожалению, приходится повторить, что после Межова систематическая библиография еще не подвинулась вперед. Вследствие этого историческая литература после 1876 года может быть доступна только по отдельным общим указателям, издающимся редакциями разных журналов; что же касается отдельных книг, то следить за ними еще более трудно. Это, очевидно, прекрасно сознается самими авторами, благодаря чему, вероятно, большинство из них, прежде изложения собственных взглядов, занимаются обзором уже существующих в науке или же прилагают к книге целый список пособий. Это открывает для читателей возможность более широкого ознакомления с вопросом³⁷.

Недостаток библиографических трудов по русской истории более всего чувствует молодежь высших учебных заведений, из которых впоследствии вербуются ряды историков. Отсюда вполне естественным является стремление профессоров по возможности восполнить

³⁵ «Ж. М. Н. Пр.» 1892 г., сентябрь, 179–180 стр. «Зап. Ак. наук». 75 т., II кн. — Отз. о 35-м присуждении наград имени гр. Уварова, 66 стр.

³⁶ Бестужев-Рюмин. («Ж. М. Н. Пр.» 1892 г., сентябрь, 201 стр.). Ср. сходную по тону рецензию академика Бычкова («Зап. Ак. наук», т. 75, 2-я), считающего труд проф. Иконникова достойным Уваровской премии, чтобы хоть этим побудить автора скорее кончить 2-ой том ввиду несомненной пользы подобного сочинения.

³⁷ Так поступали Милюков («Очерки культуры»), Леонтович (ст. «Задружно-общинный характер политического быта древней России» — «Ж. М. Н. Пр.» 1874 г., июнь) и мн. др.

этот довольно существенный пробел. В результате — несколько лекций, посвященных русской историографии³⁸. Проф. Коялович всегда «считал первой своей своею обязанностью вводить своих студентов в область литературы науки русской истории и давать им такие указания, которые бы помогали сразу определять нужные им по тому или другому вопросу книги и узнавать, при первом ознакомлении с новою книгой, чего ждать от нее, чего искать в ней»³⁹. Все эти мысли разделяют едва ли не все гг. профессора. Но подобное осуществление этой прекрасной цели не может заменить библиографии, прекрасно поставленной. Известная точка зрения — и дело принимает ложный оборот⁴⁰; недостаточное знакомство с вопросом — и масса ошибок⁴¹. О полноте обзора

не может быть и речи; к тому же и не все сочтут возможным заменить курс истории русского народа чтением лекций по истории литературы этой истории, как то делал, напр., Коялович в 1880/81 уч. году⁴². «Не претендуя ни на какую библиографическую полноту и не имея в виду исчерпать всего содержания истории науки»⁴³, подобные лекции, если даже и выходят в печати, не могут заменить научной библиографии. Они могут иметь существенное значение при знакомстве с библиографией вопроса, помогая выяснять, как и под каким влиянием развивалась историческая мысль и какие направления она принимала.

Но это не библиография... Последней же пока нет.

³⁸ Так делал С.М. Соловьев («Писатели XVIII в.». «Архив истор.-юр. древн.» Калачева, 1855 г.); из подобных лекций составила половина I-го тома «Истории России» Бест.-Рюмина. Специальный курс литературы русской истории представляют «Главнейшие течения русск. ист. мысли» Милокова и «Ист. русск. самосозн.» Кояловича.

³⁹ Коялович. Цит. соч., I стр.

⁴⁰ У Кояловича славянофильские воззрения повели к извращению многих фактов «самосознания», в чем согласны все критики.

⁴¹ Что случилось с тем же Кояловичем, особенно по вопросу о скептиках и юристах. Помимо согласных рецензий о малой сравнительно начитанности автора «Истории русск. самосознания», интересно собственное признание автора в малом

знакомстве с некоторыми вопросами и отделами литературы («Ист. р. сам.», 274 стр.).

⁴² Предисл. к его цит. труду, стр. I. Эти лекции и легли в основу его книги. По прочтении отзывов о труде Кояловича является предположение, что если бы по ним исправить этот труд, то автор сам едва ли бы узнал его, так много погрешностей и промахов указывают Иконников («Русск. стар.» 1885 г., март), Корсаков («Истор. вестн.» 1885 г., март), Бест.-Рюмин («Ж. М. Н. Пр.» 1885 г., I кн.), Милоков («Глав. теч.», стр. 289, примеч.) и мн. др. И это после долголетнего чтения лекций по этому вопросу!

⁴³ Признание одного из немногих подобных трудов — «Главн. теч. русск. истор. мысли» Милокова (стр. 2), вторая часть которого, к сожалению, доселе не появляется.

Публикацию подготовили

Светлана Александровна Карайченцева

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии,
доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Елизавета Михайловна Сухорукова

Московский политехнический университет, Высшая школа печати и медиаиндустрии,
доцент, кандидат филологических наук, Россия, Москва

Svetlana Aleksandrovna Karaychentseva

Moscow Polytechnical University, High School of Printing and Mediaindustry,
associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow

Elizaveta Mikhailovna Sukhorukova

Moscow Polytechnical University, High School of Printing and Mediaindustry,
associate professor, candidate of philological sciences, Russia, Moscow